

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.012 – 316.4

КОНТУРЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Бакланова Ольга Александровна –

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Гуманитарный институт
Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
E-mail: Mikeewa@yandex.ru

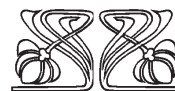
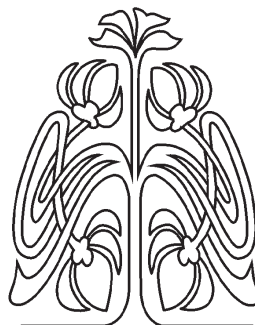
Бакланов Игорь Спартакович –

доктор философских наук, профессор кафедры философии, Гуманитарный институт
Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
E-mail: baklanov72@mail.ru

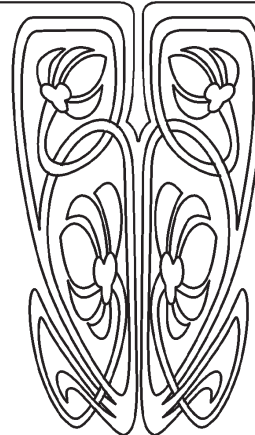
В статье рассматривается социальность как определенное качество связей, отношений и зависимостей между людьми и социальными группами, которые создают и многократно воспроизводят исторически обусловленную модель общественных отношений, непрерывно поддерживая стабильность и уникальный характер установленного общественного строя. Особенности социальности могут быть определены на основе четырех измерений, которые характеризуют непреодолимые друг для друга биологические, социальные, культурные и психологические свойства разворачивания процессов в социальном пространстве. Каждый из этих размеров были изучены в надлежащих дисциплинарных структурированных областях, и философские аспекты могут быть охарактеризованы в трех измерениях – структурном, функциональном и динамичном, которые связаны друг с другом и предоставляют составное описание существующего социального порядка. Современное исследование социальности должно также включать требование полипарадигмального представления о социальности. Философский подход предполагает выявление сложного взаимодействия различных видов социальной коммуникации.

Ключевые слова: социальность, социальная теория, современное общество, социокультурный подход, кризис, катастрофа, индивидуализм.

Современная социальная теория разработала подходы к определению социальности, среди которых есть выраженные дисциплинарные – биологизаторские, социологизаторские, историко-культурные, есть междисциплинарные, например, лингво-психологические, социально-феноменологические; существуют попытки «наддисциплинарного» анализа социальности [1]. В целом эти подходы поддаются систематизации, основанной на исследовательских стратегиях, и можно согласиться с И. А. Шмерлиной, что большинство этих подходов сводятся к основным четырем: социологическому, биологическому, психологическому и философскому [2]. Научные и философские экспликации понятия социальности концептуально различаются объемом и содержанием: философы часто получают упреки со стороны ученых в отсутствии содержательного знания. Причина этого неочевидного, на первый взгляд, результата, как нам кажется, заключается в специфике философского исследования: философам несоизмеримо труднее выводить положительное знание, в том числе знание об обществе, поскольку философия оперирует предельными категориями, решает вопросы мыслимого и немислимого об обществе и человеке, а предельное знание не может быть содержательным [3, с. 9].

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Однако содержательно пустое и предельное по объему философское познание общества не бессмысленно. Философский формат дает возможность преодолеть партикулярность социального познания, создает методологическую площадку и ценностно-смысловую поддержку для междисциплинарных коммуникаций, а также позволяет нащупывать, корректировать и удостоверять контуры исследования социальности, временные и пространственные параметры, доступные для её осмысления [4].

В самом абстрактном, первом приближении социальность представляется как некий доминирующий, действительный формат взаимосвязи, солидарности людей, а также тип «рамочной» социации, в границах которой люди определенным небиологическим образом – осмысленно и осознанно – реализуют свое право на свободу соответственно, концепт «социальность» в таком понимании несет более содержательное, но по объёму суженное значение – она может в этом случае трактоваться как специфика формирования и функционирования социальных структур). Таким образом, из трех аспектов – структурного, функционального и динамического – данный подход дает ключ к первым двум. Однако объект нуждается и в динамическом определении, поэтому необходимо ввести этот третий аспект в исследование. Целый спектр социальных наук (социология, социальная история, культурология) делает динамический аспект социальности своим предметом, более или менее конкретно дескриптивно фиксируя последовательность состояний общественных связей. Причем типология социальности, как правило, проецируется в таких исследованиях в форме инварианта, дающего последовательную культурно-историческую развертку: например, «русский коллективизм» часто жестко привязывают к российской истории, что, по нашему мнению, неправомерно. Мы же предполагаем, что в рамках единой социокультурной системы возможны чередования (и даже наложения, совмещения) различных типов социальности в довольно широком диапазоне. Подробные описания причин трансформации останутся за рамками данной статьи, однако можно сказать, что, поскольку весь массив этих причин распадается по отношению к социальной системе на экзогенные и эндогенные, мы сконцентрируемся на внутренних, т.е. попытаемся увидеть внутреннюю логику развития социальности, относительно не зависящую от внешних вызовов.

В качестве «чистых» типов моносоциальности теории общества классически выделили коллективизм и индивидуализм, однако эти типы представляют собой, скорее, эталоны,

теоретические модели, никогда не достижимые идеалы, на практике всегда проецирующиеся на социокультурные особенности и образующие самобытные паллиативные формы, которые можно относить к «коллективистским» или «индивидуалистическим» только условно и при достаточной аргументации. Кроме того, типологические характеристики общества не всегда очевидны, они имеют свойство «идеологически», «культурно» или иным образом «мимикрировать», внешне преобразоваться в другие типы, получать соответствующие названия и обрастать набором мифологем. Подобные «псевдо»-типы проявляются тогда, когда по политическим причинам власть пытается создать видимость того, что общество «изменилось», трансформировалось, модернизировалось, демократизировалось, построило коммунизм [5, с. 139]. Иногда эти стереотипные образы закрепляются, получают «научное» обоснование, входят в успешно функционирующие мифоконструкты и удерживаются последними в течение длительного времени. Подобное произошло с типом «русского коллективизма», стереотипные описания которого кочуют из одного интеллектуального источника в другой. Однако подробный историко-культурный анализ показывает, что как такового коллективизма в масштабах всей страны в России не было [6].

И. М. Клямкин и И. Г. Яковенко утверждают, что максимальной границей русского коллективизма была крестьянская община, за пределами которой крестьянин быстро маргинализировался. Сам же общинный «коллективизм» удерживался крепостным правом и после отмены последнего начал быстро распадаться и трансформироваться. Точно так же нет оснований всерьез говорить о «советском коллективизме» по той причине, что тоталитаризм разрушил необходимые для коллективизма традиционные горизонтальные связи. А «видимость», внешняя обманчивая образность псевдоколлективизма создается за счет того, что тоталитарное государство в лице закона/чиновника/директивы вклинивается в самые приватные слои горизонтальной коммуникации индивидов, замещая разрушенные естественные связи и вводя тотальный госконтроль за деятельностью индивидов [7]. Динамика перехода одного типа в другой хорошо видна в периоды культурных «разломов», кризисов, национальных катастроф, которые обнажают истинные запросы общества и разных его слоёв и социальных общностей.

Кроме динамического аспекта важен функциональный, исследующий не изменения взаимодействия, а его онтологию. Науки о культуре в деталях фиксируют культурные срезы, социальные – описывают особенности формирования

и функционирования социальных структур, уменьшение или увеличение социальной дистанции между людьми, стратификационную подвижность, формы мобильности [8, с. 128–137]. Социально-философское рассуждение о социальности абстрагируется от этого содержания и, как минимум, начинается там, где речь идет о сопряжении индивидуального и общественного бытия. Мы фиксируем это в следующей принципиальной установке: социальная и антропологическая реальности не сводимы друг к другу. Как заметил Ф. И. Гиренок, «всякий социум требует равенства. Существование же человека требует неравенства. Нехватки. Того, что рождает волю» [3, с. 8]. Идеал всякого общества – никогда не достижимое равенство, идеал всякого человека – никогда не достижимое абсолютное превосходство над остальным («сверхчеловек» или «богочеловек» невозможны в принципе, поскольку достижение этого идеала означало бы разрыв с человеческой природой). Именно поэтому возникновение человека социального, т.е. актора-творца истории – такая редкость (и, по большей части, случай). Динамика же исторического процесса, дескриптивно показанная множеством наук, несет в себе очевидный антропологический смысл истории – расширение круга немногих людей, имеющих право на свободу [9].

Социальное и антропологическое, хотя и не прямо, но смыкаются, они не абсолютно автономны друг от друга [10]. Общество не существует независимо от своих субъектов, косвенные и скрытые виды их коммуникации всегда присутствуют в обществе как части в целом [11]. Общество воспроизводит человека, а человек, интериоризируя его ценности, каждый день жизни воспроизводит своё общество [12].

Гуссерль утверждал, что «между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла» [8, с. 11]. Представляется, что такую же пропасть смысла, не биологического, а аксиологического, знаково-символического наполнения можно обнаружить между антропологическим и социальным мирами. Именно смысл задает способ ориентации человека в социальном мире [2, с. 147], служит инструментом в ситуации отсутствия тотальной биологической детерминации инстинктом. Именно смысл, а в масштабе общества культура как генератор смыслов обеспечивает референцию партикулярного антропологического горизонта в социальном поле, встраивает его в контекст, присоединяет к цепи предшествующих знаковых аксиологических конструкций. В целом концепт «социальность» как раз и является описанием смыслового «мостика» между этими, фантомными по отношению

друг к другу, уровнями: антропологическим и социальным. Взаимофантомны они потому, что, находясь в антропологическом мире, человек не видит общества, а «абстрагируясь» до уровня общества – теряет себя и свой антропологический мир. Единственным более-менее надежным средством соединения этих уровней становится установление смыслов. Мир смыслов, в свою очередь, пополняется актами рефлексии человека, его выходами в социальный мир. А. Ф. Филиппов пишет: «Мир смыслов, если следовать известному рассуждению Г. Риккерта, образуется потому, что человек соотносит мир ценностей и мир бытия» [13, с. 99–100]. В функциональном аспекте социальность становится своеобразной условной «разверткой», которая раскладывает все коммуникативно-смысловые проекции, невидимые из индивидуального «этажа» общественной жизни и незаметные из «этажа» социальной истории, оторванной от бытия конкретного индивида.

Контуры социально-теоретического исследования социальности в самом общем виде, как нам представляется, могут слагаться из нескольких важных составляющих.

Во-первых, необходимо обнаружить и выделить тот тип связи антропологического и социального, который доминирует в исследуемом обществе. Как мы уже заметили выше, взаимосвязь индивида с обществом, на первый взгляд, парадоксальна – индивид коммуницирует с обществом, но никогда эта коммуникация не бывает прямой: человек многие силы направляет на изменение, улучшение общества, но никогда не видит результатов своего труда (если видит – то, скорее всего, речь идет об изменениях в его антропологическом мире). Описание того, как именно, через какие символические медиумы происходит коммуникация субъекта и общества, может дать характеристику типа социальности: традиционные и архаические общества используют как доминирующие в коммуникации механизмы мифа и ритуала, в коллективистских большую роль играет традиция, индивидуализированные общества нарабатывают и в большей степени задействуют иные, гибкие, рациональные символические медиумы – медиасферу, науку, философию.

Во-вторых, важным шагом могут быть поиск и маркирование динамических параметров стабильности социальных структур, показатели их эффективности. Если в целом социальные практики какого-то периода истории устойчивы, а институты эффективны, то исследователи маркируют такое общество как «стабильное», «хорошее». Если практики все время смещаются в ту или иную сторону, институты размыты,

истощены и неэффективны, сознание субъектов чаще всего сигнализирует об этой ситуации как о «кризисной» [14]. Причем относительно кризиса стоит произвести ряд уточнений: он как предмет философии времени проблематизирован сравнительно недавно и неслучайно. Общество, в котором ведущей формой мировоззрения является миф, в целом безразлично ко времени, значит, оно не различает кризиса. К. С. Пигров заметил, что кризис (по К. Ясперсу – уникальная констелляция событий) – это такая ситуация, которая соразмерна актору и зависит от его смыслообразующего действия, т.е. ситуация всегда «своевременна», если в ней возможность выше действительности [15]. Исследование динамического аспекта социальности должно быть направлено не столько на поиск кризисов (в разомкнутом и вероятностном мире он есть всегда, его наличие принципиально для рационально мыслящего человека), сколько на поиск катастроф, т.е. другого качества темпорального изменения. Катастрофа – радикальный разрыв формы и содержания, это вторжение в социальность иного, наполнение формы новым, неведомым ранее содержанием. В отличие от кризиса, катастрофа всегда неотвратима, в её течении нет решающей роли актора, поскольку она заведомо шире масштабов самого субъекта. Он не может её осмыслить. Если актер осмысляет катастрофу, он тем самым производит её снятие: либо через деятельностьную модель – переводя её в кризис, либо, если деятельностьная модель не работает и ситуация фатальна, снятие происходит через переоценку ценностей [15, с. 10]. Динамическим контуром, помимо выявления механизмов социальной ретенции и протенции, будет осмысление ситуации кризиса, переходящего в катастрофу, – вопроса о том, как происходит отчуждение «современности», и рассмотрение при этом механизмов «ухода» общественного сознания в идеалы «прошлого» и «будущего», порождающие у актора неспособность действовать. Именно в эти периоды может происходить смена типов социальности вследствие разрыва базовых связей, а в ситуации катастрофы общество не всегда может восстанавливать ценности своих прошлых состояний.

В-третьих, необходимо исследовать самый партикулярный горизонт общества – антропологическое пространство – и те самоописания, которые о нем имеются благодаря искусству, а также интереснейшие механизмы стабилизации кризисных состояний общества, которые воспроизводит и транслирует общество в виде своих культурных ценностей. Индивидуальный уровень, нижний уровень антропологического мира обыденности, подобно нижним слоям

атмосферы, испытывает «давление» и влияние всех остальных измерений социальности и, соответственно, имеет их оттиск. Однако влияние нижнего «этажа» на верхние тоже велико: если начинается расшатывание внизу, верх уже ничем нельзя спасти от разрушения. Изменения, массово запущенные в антропологическом мире, могут запускать цепочки распада тех или иных культурных инвариантов общественной жизни. В целом влияния антропологического мира на социальный могут быть как качественными, так и количественными. С одной стороны, это влияние на скорость общественных изменений: в качестве иллюстрации можно представить усиление традиционного компонента, например, религиозной фундаментализации, стихийно возрастающей на индивидуальном уровне, которая, выходя за границы антропологического, приобретает в социальном мире новое качество – регулятора социальной динамики, она может существенно замедлять скорость социальных изменений. С другой стороны, через индивидуальные практики антропологическое способно корректировать (и постоянно корректирует) функциональную составляющую социальности: индивидуальное участие субъектов в социальных институтах жизненно важно для последних – если множество индивидов не выполняет нормы и начинает действовать другими способами, даже самые эффективные базовые социальные институты теряют востребованность, перестают воспроизводиться и, в конце концов, могут оказаться демонтированными. Индивидуальные практики затрагивают и структурное измерение социальности, т.е. базовое поведение индивида поддерживает или отторгает то или иное конкретное распределение внутрисистемной нагрузки на социальные структуры: доминирование «государства» или «гражданского общества», вертикальную или горизонтальную формы социального контракта и пр.

В-четвертых, для методологически релевантного исследования важно не просто установить ускорение или замедление социальной динамики, но понять причину этого изменения. Ключом к пониманию того, что служит катализатором или, напротив, ингибитором скорости социальных изменений, может быть различие социальной и культурной динамики. Мы исходим из установки, что социальные структуры и культура имеют собственную логику и скорость развития: они не идентичны как в структурно-функциональном, так и в динамическом планах. Методологически можно описать это наблюдение в нескольких разных форматах (например, в рамках социальной феноменологии, неоинституционального подхода). Однако уместнее

всего, по нашему мнению, описать этот контур в терминах социокультурного подхода, который, помимо функциональной, имеет мощную динамическую объяснительную схему. Его особенность состоит в том, что динамика социальности понимается как результирующая действия двух антагонистичных процессов – социальных трансформаций и культурных изменений [16]. Культура развивается гораздо инертнее, чем социальная сфера, соответственно, культурные воздействия чаще всего выступают как амортизаторы, регуляторы и своего рода ингибиторы социальных изменений, как гаранты стабильности общества. Встреча социального и культурного изменений происходит на всех уровнях, но на уровне социального субъекта она заметно укрупнена. Механизмом общественного развития выступает именно дуальная оппозиция «старого – нового», а культура возникает как итог медиации, разрыва ограничителей старых культурных рамок.

Как результат всех этих этапов исследования может появиться типологическая характеристика социальности. Наша гипотеза состоит в том, что качество социальности (моно-, поли-, псевдосоциальность) и есть своеобразный маркер состояния этого социокультурного взаимодействия: при конвергенции социального и культурного развития наблюдается увеличение гомогенности, т.е. отклонение в сторону моносоциальности. При дивергенции, напротив, возрастает гетерогенность, общество отклоняется в сторону плюралистической социальности [17]. Если такие векторы на каком-то этапе истории становятся разнонаправленными, это чревато серьезной социальной дезорганизацией и внутренними социокультурными конфликтами или даже социальной катастрофой, поскольку общество не может использовать культуру для налаживания системы социальных отношений. Культура при этом становится не гарантом социальных изменений, а, напротив, дестабилизирующим фактором. Такой социокультурный конфликт может грозить национальной катастрофой, в России XX в. он привел к парадоксальным и тяжелым последствиям – тоталитаризму в обществе и псевдоколлективистской социальности, которая после распада тоталитарной системы выродилась в жесткий «атомизированный» индивидуализм, плоды которого российское общество не изжило по сей день. В переводе на язык социокультурного подхода можно сказать, что имел место содержательный раскол между обществом как культурным текстом и текстом социальных взаимодействий, который сегодня продолжает разрывать противоречиями каждую личность российской социокультурной среды.

Список литературы

1. Шмерлина И. А. Социальность и проблема смысла : к выработке междисциплинарного понятия // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21, № 3. С. 137–151.
2. Шмерлина И. А. Биологические грани социальности // Очерки о природных предпосылках социального поведения человека. М., 2013. 200 с.
3. Гиренок Ф. И. Фигуры и складки. М., 2013. 244 с.
4. Устьянцев В. Б., Листвина Е. В. Социальное познание : формирование, особенности, методология // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6, вып. 1–2. С. 121–123.
5. Деркачев Г. И., Бакланов И. С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 9. С. 139–144.
6. Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России : конец или новое начало? М., 2005. 708 с.
7. Гончаров В. Н. Политическая культура в контексте политического сознания // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. № 3. С. 128–137.
8. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии : в 3 кн. М., 1999. Кн. 1. 367 с.
9. Коломак А. И. Антропологические и социальные основания исследования феномена свободы // Вестн. Северо-Кавказского гос. техн. ун-та. 2012. № 2 (31). С. 107–110.
10. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматько. М. ; СПб., 2005. 288 с.
11. Гречко П. К. Социальное : диспозиционно-коммуникативная перспектива исследования // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II, вып. 1(2). С. 112–132.
12. Shebzukhova T. A., Bondarenko N. G. Moral, legal and political aspects of freedom in the context of the principle of determinism // Middle East Journal of Scientific Research. 2013. Vol. 14, № 4. P. 498–501.
13. Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб., 2008. 285 с.
14. Колосова О. Ю. Синергетические аспекты развития современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 4. С. 17–20.
15. Пигров К. С. Кризис и катастрофа // Мысль : в 5 т. Социальная аналитика кризиса. СПб., 2004. Т. 5. С. 4–31.
16. Микеева О. А. Анализ парадигмальных оснований социокультурного подхода в социальном познании // Научная мысль Кавказа. 2009. № 1. С. 45–48.
17. Бакланова О. А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестн. Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. 2013. № 2. С. 142–145.

Circuits Typological Study of the Socio Modern Society

O. A. Baklanova

Humanitarian Institute of the North Caucasian Federal University
2, Kulakov, Stavropol, 355029, Russia
E-mail: Mikeewa@yandex.ru

I. S. Baklanov

Humanitarian Institute of the North Caucasian Federal University
2, Kulakov, Stavropol, 355029, Russia
E-mail: baklanov72@mail.ru

Sociality is a specific quality of connections, relationships and dependencies between individuals and social groups that create and reproduce many times historically conditioned model of social relations, continuously maintaining the stability and unique character of the established social order. Features of the sociality can be given on the basis of four dimensions units that characterize the irreducible to each other biological, social, cultural and psychological features of the processes deployment in social space. Each of these dimensions was studied in proper disciplinary structured fields, and philosophical aspects can be characterized in three dimensions – structural, functional and dynamic (which are correlated with each other and can provide integral description of the existing social). Modern research of sociality should also include a requirement to multi-variant representations of sociality. Philosophical approach assumes revealing complex interaction of different types of social communication.

Key words: social, social theory, modern society, social-cultural approach, crisis, disaster, individualism.

References

1. Shmerlina I. A. Social'nost' i problema smysla: k vyrabotke mezhdisciplinarnogo ponjatiya (Socialness and sense problem: to development of interdisciplinary concept). *Epistemologiya i filosofiya nauki* (Epistemology and philosophy of science), 2009, vol. 21, no. 3, pp. 137–151.
2. Shmerlina I. A. Biologicheskie grani sotsial'nosti (Biological sides of a sociality). *Ocherki o prirodnyh predposylkah sotsial'nogo povedeniya cheloveka* (Sketches about natural prerequisites of social behavior of the person). Moscow, 2013. 200 p.
3. Girenok F. I. *Figury i skladki*. (Figures and folds). Moscow, 2013. 244 p.
4. Ustyantsev V. B., Listvina E. V. Sotsial'noe poznanie: formirovanie, osobennosti, metodologiya (Social knowledge: formation, features, methodology). *Izv. Sarat. Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogics*. 2006, vol. 6, iss. 1–2, pp. 121–123.
5. Derkachev G. I., Baklanov I. S. Problemy i istoki legitimatsii vlasti v sovremennoy Rossii (Problems and sources of legitimation of the power in modern Russia). *Social'no-gumanitarnye znaniya* (Social and humanitarian knowledge), 2009, no. 9, pp. 139–144.
6. Akhiyezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. *Istorija Rossii: konets ili novoe nachalo?* (History of Russia: end or new beginning?). Moscow, 2005. 708 p.
7. Goncharov V. N. *Politicheskaja kul'tura v kontekste politicheskogo soznaniya* (Political culture in a context of political consciousness). *Jekonomicheskie i humanitarne issledovaniya regionov* (Economic and humanitarian researches of regions). 2012, no. 3, pp. 128–137.
8. Gusserl E. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii: v 3 kn.* (Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy: in 3 book). Moscow, 1999. Book 1. 367 p.
9. Kolomak A. I. Antropologicheskie i sotsial'nye osnovaniya issledovaniya fenomena svobody (Anthropological and social bases of research the phenomenon of freedom). *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* (Bulletin of the North Caucasus State Technical University), 2012, no. 2 (31), pp. 107–110.
10. Bourdieu P. *Sotsiologija sotsial'nogo prostranstva* (Sociology of social space). Translation from French. Ans. ed. translation N. Shmatko. Moscow, St.-Petersburg, 2005. 288 p.
11. Grechko P. K. Sotsial'noe: dispozicionno-kommunikativnaja perspektiva issledovaniya (Social: dispositional communicative perspective study). *Voprosy sotsial'noj teorii* (Questions of social theory), 2008, vol. II, iss. 1 (2), pp. 112–132.
12. Shebzukhova T. A., Bondarenko N. G. Moral, legal and political aspects of freedom in the context of the principle of determinism. *Middle East Journal of Scientific Research*. 2013, vol. 14, no. 4, pp. 498–501.
13. Filippov A. F. *Sotsiologiya prostranstva* (Sociology of space). St.-Petersburg, 2008. 285 p.
14. Kolosova O. Yu. Sinergeticheskie aspekty razvitija sovremenno go obshhestva (Synergetic aspects of development of modern society). *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* (Humanitarian and social and economic sciences), 2012, no. 4, pp. 17–20.
15. Pigrov K. S. Krizis i katastrofa (Crisis and accident). *Mysl': v 5 t. Social'naya analitika krizisa* (Thought: in 5 vol. Social analytics of crisis), St.-Petersburg, 2004, pp. 4–31.
16. Mikeeva O. A. Analiz paradigmat'nyh osnovanij sotsiokul'turnogo podkhoda v sotsial'nom poznanii (The analysis the paradigmalykh of bases of sociocultural approach in social knowledge). *Nauchnaja mysl' Kavkaza* (Scientific thought of the Caucasus), 2009, no. 1, pp. 45–48.
17. Baklanova O. A. Metodologicheskie izmereniya sotsial'nosti v sovremennoj sotsial'no-teoreticheskoj refleksii (Methodological measurements of a sociality in a modern social and theoretical reflection). *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Hetagurova* (Bulletin of the North Ossetian State University of C. L. Khetagurova), 2013, no. 2, pp. 142–145.